

ПИЩЕВАЯ МЕТАФОРА В РУССКОМ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОМ ДИСКУРСЕ

Е.А. Юрина, А.В. Балдова

*Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда.
Грант № 18-18-00194 – «Образная система русского языка в полидискурсивном
пространстве современных коммуникаций», 2018–2020 гг.*

Аннотация. Рассматриваются научные рамки понятия «лингвокультурный дискурс» и предлагается его терминологическое определение. Лингвокультурный дискурс понимается как речевая деятельность, которая осуществляется коммуникантами в процессе освоения и осмысления феноменов своей или чужой культуры. Характеризуются языковые средства реализации русской пищевой метафоры на лексико-фразеологическом и тестовом уровнях, а также способы ее лингвистической репрезентации в таких жанровых формах лингвокультурного дискурса, как лингвокультурологический словарь и телевизионный травелог. Эмпирический материал составили тексты «Словаря русской пищевой метафоры» («Блюда и продукты питания» 2015, «Гастрономическая деятельность» 2017) и трех многосерийных телевизионных фильмов из авторского цикла программ о путешествиях В. Познера и И. Урганта («Одноэтажная Америка» 2008, «Тур де Франс» 2010, «Еврейское счастье» 2016). Освещаются критерии формирования словника, макро- и микро-структура «Словаря русской пищевой метафоры», посредством которых раскрывается когнитивный потенциал данной метафорической модели, фиксируется словарный состав ее языковой реализации; демонстрируются факты этнических и интернациональных компонентов пищевой традиции, аспекты метафорического, символического, аллегорического переосмысления гастрономических образов. Дискурсивное функционирование пищевой метафоры рассматривается на материале текстов телевизионного травелога: описываются сферы референции данной метафорической модели, реализация ее коммуникативно-прагматического потенциала для выражения экспрессивной и образной характеристики различных социокультурных феноменов, их оценочной интерпретации воспринимающим субъектом.

Ключевые слова: пищевая метафора; образная лексика; фразеология; лингвокультурный дискурс; словарь; медиадискурс; травелог.

Введение

Пищевая метафора в нашем исследовании понимается широко, в духе когнитивной теории метафоры [1–10], как концептуальная модель осмысления различных явлений окружающего мира и внутреннего мира человека в терминах еды и гастрономии. Исходная сфера метафорических проекций (*source domain*) охватывает блюда и продукты питания, их свойства, способы приготовления и поглощения, состояния и

действия субъектов гастрономической деятельности, кухонный инвентарь, регламент и прочие обстоятельства питания. Языковыми репрезентантами пищевой / гастрономической метафоры являются слова в переносно-образных значениях (*винегрет* 'путаница, беспорядочное смешение фактов, событий, явлений'), слова с метафорической внутренней формой (*заваруха* 'внезапно возникшая сложная ситуация, нарушающая привычный порядок событий и чаще всего имеющая негативные последствия'), устойчивые сравнения (*как лепешка* 'о плоских и круглых предметах'), идиомы (*остаться на бобах* 'остаться ни с чем, лишиться того, чем обладал'), пословицы и поговорки (*за семь верст киселя хлебать* 'напрасно и необдуманно стремиться куда-л., имея возможность достичь желаемого на месте'), авторские контекстуальные метафоры, сравнения («*Небо сегодня распирало от взбитых сливок, будто там, наверху, сумасшедший кондитер в белом колпаке все наглаивал и наглаивал крем поверх глазури*». Д. Рубина) и прочие иносказательные употребления образов еды и пищи в речи. Различные аспекты анализа пищевой метафоры представлены в работах российских и зарубежных ученых [11–15] и др. Результаты исследования русской пищевой метафоры авторами статьи освещаются в серии научных работ [16–20], а также в двух опубликованных томах «Словаря русской пищевой метафоры» [21, 22].

Цель представленного в данной статье исследования была определена в рамках научного доклада на секции «Русский лингвокультурный дискурс: маршруты, гипотезы, мосты»¹, название которой побудило к размышлениям об объеме понятия и жанровых формах лингвокультурного дискурса. Применительно к объекту нашего изучения цель формулируется следующим образом: представить лингвистические способы экспликации пищевой метафоры в разных жанрах русского лингвокультурного дискурса. Для достижения этой цели оказалось необходимым предварительно осмыслить само понятие «лингвокультурный дискурс», которое представляется достаточно емким, имеющим ценный эвристический потенциал, однако на данном этапе недостаточно отрефлексированным лингвистическим сообществом и не вошедшим в устойчивое ядро развивающейся терминосистемы современной лингвокультурологии. В связи с этим материалы эмпирического исследования предваряются небольшим вводно-теоретическим разделом (Е.А. Юрина), в котором авторы постарались задать научные рамки для определения понятия «лингвокультурный дискурс» и предложить дефиницию этого термина. Далее освещается «Словарь русской пищевой

¹ Работа секции «Русский лингвокультурный дискурс: маршруты, гипотезы, мосты» проходила в Пловдивском университете 9 ноября 2018 г. в рамках Международной научной конференции «Паисиеви чтения».

метафоры» как жанровый формат лингвокультурного дискурса и способы представления в нем лексико-фразеологических средств реализации концептуальной метафоры еды (Е.А. Юрина). Заключительный раздел основной части посвящен анализу функционирования русской пищевой метафоры в жанре телевизионного травелога, который рассматривается как форма бытования русского лингвокультурного дискурса (А.В. Балдова).

Методология работы опирается на общенаучные методы логического анализа (дедукция, индукция, обобщающий синтез), интерпретации эмпирических данных в рамках описательного метода, включающего приемы наблюдения, классификации, систематизации и обобщения; а также на методы и приемы, разработанные в рамках лингвокультурологии и теории дискурса (см. первый раздел исследования). Центральное место в работе представляют результаты, полученные с применением лексикографического метода, который включает приемы составления словника, семантизации языкового материала, формирования словарной дефиниции, контекстной иллюстрации, семантической, грамматической и функционально-стилистической разметки, моделирования макроструктуры словаря в соответствии с целями лексикографической интерпретации данных.

Исследование и результаты

Лингвокультурный дискурс: научные рамки и определение понятия

Научные рамки понятия «лингвокультурный дискурс» лежат в области терминологической системы лингвокультурологии, где получил определение и широко используется термин «лингвокультура». Современная лингвокультурология являет собой активно развивающееся интегративное направление гуманитарного знания, связанное с комплексным изучением различных аспектов взаимодействия языка и культуры. Теоретические основы российской лингвокультурологии представлены в трудах В.Н. Телия, В.В. Красных, В.В. Воробьева, В.А. Масловой, В.М. Шаклеина и др.

Методология лингвокультурологических исследований синтезирует приемы семантического и концептуального (когнитивного) анализа языковых единиц лексического, фразеологического и грамматического уровней с обязательным выявлением прагматического компонента их семантики – культурной коннотации, которая складывается из экспрессивно-стилистического, эмотивно-оценочного (аксиологического), ассоциативно-образного компонентов семантики, а также денотативного культурного фона, содержащего информацию о бытовании обозначенного феномена в социально-культурной среде [23–25] и др.

Когнитивный аспект лингвокультурологических исследований связан с описанием ключевых концептов культуры (работы А.П. Бабушкина, С.Г. Воркачева, В.И. Карасика, Г.Г. Слышкина и др.) и фрагментов языковой картины мира (работы Н.Д. Арутюновой, В.А. Масловой, В.И. Постоваловой, Б.А. Серебренникова, В.Н. Телия и др.), выявленных на основе лингвистического анализа, существенно дополненного за счет привлечения сведений из области культуры и истории народа, которыми располагают другие интегративные и смежные гуманитарные дисциплины: культурология, этнолингвистика и этнография, социоллингвистика и социология, история языка и история (Серебренников [26] и др.).

В рамках лингвокультурологии сложилось емкое понятие, обозначенное термином «лингвокультура», которое подразумевает культуру определенного сообщества (этноса, нации, социальной группы), воплощенную в единицах языка и речи. В своей работе В.В. Красных предлагает следующее определение лингвокультуры: это «культура оязыковленная, т.е. воплощенная и закрепленная в знаках живого языка и проявляющаяся в языковых / речевых процессах, это культура, явленная нам в языке и через язык; феномен лингво-когнитивный, формируемый не языковыми единицами, но в первую очередь культурными смыслами и находящимися с ними в отношениях взаимосвязанности образами сознания в их вербальных одеждах; это третья семиотическая система, возникающая в рамках некоторого сообщества на участке пересечения / наложения языка и культуры данного сообщества; это только спаянные культурой общие компоненты языкового сознания, т.е. опосредованные значениями и скрепленные культурным ядром общие компоненты образа мира» [27. С. 133]. При этом язык отражает факты как материальной, так и духовной культуры, где под материальной культурой можно понимать объекты физической среды существования человека и способы их производства, сформированные сообществом в процессе освоения природы; а под духовной культурой – представления о мире (научные, мифологические, обиходно-практические или наивные и т.п.), идеалы, ценности, стереотипы, нормы поведения, закрепленные в результатах познавательной и творческой деятельности сообщества.

Широко представлены в современной лингвокультурологии функционально-прагматические исследования культурно окрашенных единиц языка в различных типах дискурса, а также описания дискурсивных картин мира (Резанова [28]). То есть проблематика исследования взаимодействия языка и культуры расширяется в область речевой коммуникации, социокультурный формат которой описывается посредством термина «дискурс», понимаемого в рамках лингвокультурологии как «речь, погруженная в жизнь» [29. С. 136–137], «текст в ситуации

реального общения» [30. С. 198], а также как «типовая форма языковой деятельности, тесно сплетенная с другими видами социальной деятельности, находящая воплощение в определенных текстах, которые имеют внутреннюю формально-смысловую завершенность» [28. С. 37–38]. Для предлагаемого нами определения понятия «лингвокультурный дискурс» значимыми представляются два ракурса рассмотрения данного феномена: 1) дискурс являет собой речевую деятельность, параметры которой обусловлены определенным набором социально-культурных факторов; 2) дискурс воплощается в обширных текстовых формациях, объединенных общими экстралингвистическими и собственно лингвистическими факторами их порождения и функционирования. Выделяются различные основания для типологизации разновидностей дискурса: статус участников общения (лично ориентированный и статусно ориентированный типы), социальные институты, в рамках которых осуществляется коммуникация (разновидности институционального дискурса – политический, медицинский, медиа, научный и т.д.), цель коммуникации (игровой, суггестивный, просветительский и т.д.), тип информации (автобиографический, рекламный, гламурный и т.д.) [30. С. 192–199].

Лингвокультурный дискурс как феномен речевой коммуникации интегрируется, на наш взгляд, особым типом информации, рефлексия по поводу которой служит мотивом, побуждающим к текстопорождению. В его основе лежит стремление говорящего осмыслить, интерпретировать или запросить информацию относительно фактов материальной и духовной культуры того или иного народа, выразив в тексте свои мнения, наблюдения, оценки, характеристики этих фактов. Следовательно, лингвокультурный дискурс может пониматься как речевая деятельность, осуществляемая коммуникантами в процессе освоения и осмысления феноменов своей или чужой культуры, которая воплощается в совокупности текстов, порожденных в результате рефлексии авторов по поводу феноменов культуры и содержащих описание природы данных феноменов, их критический анализ, ценностное отношение к ним.

Сферы бытования лингвокультурного дискурса различны, и каждой из них соответствуют определенные жанры и прагматические регистры общения. В научной сфере он может быть реализован в статьях, монографиях, диссертациях, рецензиях по лингвистике, литературоведению, культурологии, истории, философии, социологии, психологии. Он может быть представлен в сфере массовой коммуникации в газетных, журнальных статьях, текстах и блогах в интернете, в телевизионных и радиопрограммах. Эстетическая сфера бытования лингвокультурного дискурса связана с различными жанрами художественной литературы, кино и театрального искусства. Разговоры и письменные суждения тем еды, путешествий, моды, спорта, развлечений, истории,

политики и т.п. в бытовой и массовой социокультурной сферах также могут воплощаться в коммуникативные формы лингвокультурного дискурса.

**«Словарь русской пищевой метафоры» как жанровый формат
лингвокультурного дискурса**

Характеризуя соотношение понятий дискурс и жанр, З.И. Резанова пишет: «Дискурсы – это типовые формы речевой деятельности. Мы “отливаем речь в текстовые жанровые формы”, которые включаются в более общие коммуникативные формы дискурсов. Дискурс же осуществляется в единстве жанровых воплощений» [28. С. 37]. В этом отношении словарь лингвокультурологического типа, описывающий культурно окрашенные единицы языка и их речевое функционирование, включающий сведения прагматического и культурологического характера для расширения лингвистической семантизации, можно рассматривать как определенный жанровый формат лингвокультурного дискурса. «Словарь русской пищевой метафоры» [21, 22] (далее – СРПМ) соответствует этим требованиям по критериям отбора толкуемых единиц и составу словника, способам подачи материала, принципам толкования, построению макроструктуры. Рассмотрим подробнее каждый из этих параметров.

Для включения языковой единицы в СРПМ необходимы следующие условия: 1) метафорический характер значения, который обнаруживается в семантической двуплановости – способности обозначить называемый объект в иносказательной форме по аналогии с явлениями гастрономической сферы; 2) отнесенность мотивирующего образа, закрепленного в формально-семантической структуре языковой единицы, к гастрономической сфере; 3) использование единицы в речи в период с 1950 г. по настоящее время. На основании первых двух критериев формируется словник с опорой на существующие толковые и фразеологические словари русского языка. На основании третьего критерия формируется контекстная база и корректируется словник: существенно пополняется за счет ранее не зафиксированных в словарях метафорических значений у слов с исходной гастрономической семантикой, речевых вариаций фразеологизмов, авторских метафорических контекстов; а также незначительно сокращается за счет исключения единиц, не зафиксированных в современных текстах. Основным источником текстового материала выступает Национальный корпус русского языка [31]. Таким образом, в словарь попадают однословные и сверхсловные (словосочетания, фразы, фрагменты текста) образные единицы языка с мотивирующей гастрономической семантикой, функционирующие в современных дискурсивных практиках. Например,

БУЛКА / БУЛОЧКА. ЯМ. Полный человек (преимущественно женщина) с пышными округлыми формами. *Одобр.* – *Здесь его разглядела здоровая, белозубая официантка, просто сдобная булка – вот такой в девках была Ева* (В. Синицына. Муза и генерал).

2. *Разг.* Округлые, полные и мягкие части тела человека (живот, грудь, ягодицы, бедра, щеки). *Экспр.* – *У всех в зоне живота лишний вес, а у него – «булочка»* («Русский репортер»).

ЗАРАБАТЫВАТЬ НА БУЛКИ С ГУСТЫМ СЛОЕМ МАСЛА. Авт. ФЕ. Хорошо зарабатывать, обеспечивая высокий уровень жизни. *Экспр.* – *На булки с густым слоем масла я зарабатывал тогда ремеслом «практикующего юриста», то есть частного детектива* (В. Скворцов. Каникулы вне закона).

ЖАРЕНый. ЯМ. *Разг.* Скандальный, интригующий, привлекающий всеобщее внимание (об информации, как правило, негативного характера, используемой журналистами). *Экспр. Ирон.* – *У нее сейчас ощущение пустой траты времени, она смотрит на сцену, а сама думает, что, возможно, в это самое время появилось что-то жареное, скандальное, общественноинтересное* («Волга»).

ПОКА ЖАРЕНый ПЕТУХ НЕ КЛЮНЕТ. Погов. Разг. / Прост. Пока не случится неприятность. Говорится в ситуации, когда какие-л. действия или решения откладываются на неопределенный срок. *Экспр. Неодобр.* – *Грубо говоря, пока жареный петух не клюнет, можно нести разную пургу, пользуясь всеми преимуществами своего положения, а реальность всплывает всегда неожиданно* («Военное обозрение»).

ПИРОГИ ПЕЧЁТ САПОЖНИК. Прец. За ответственную работу берется непрофессионал. *Экспр. Неодобр.* – *В Рыбинске в полном соответствии с вечно загадочной российской кадровой политикой в кресле директора музея почему-то оказался человек со стороны, чистый технократ, фанат компьютерного дела. Казалось бы, при таком кадровом раскладе, когда «пирог печёт сапожник», музею – кранты. Ан нет – вышло, как в лучезарной сказочке* («Культура»).

☀ Выражение восходит к басне И.А. Крылова «Щука и кот» (1812 г.): «Беда, коль пироги начнет печи сапожник, а сапоги тачать пирожник».

Состав словника и система помет подробно охарактеризованы в вводных разделах СРПМ [21. С. 8–20]. Определенный структурный тип образной единицы маркируется посредством пометы после заглавного слова (ЯМ – языковая метафора, ФЕ – фразеологическая единица, Прец. – прецедентное выражение, Погов. – поговорка и др.). Cases единичных и новаторских употреблений помечаются как авторские (Авт.). Во всей совокупности толкуемых единиц, включая материалы готовящегося к печати 3-го тома, на текущий момент словник насчиты-

вает более 3 тыс. образных слов и выражений. Картотека контекстов составляет около 20 тыс. фрагментов из художественной литературы, публицистики, интернет-коммуникации.

Образные слова и выражения, репрезентирующие пищевую метафору, обладают значительным прагматическим потенциалом: характеризуются стилистической экспрессивностью, выражают эмоциональную оценку обозначаемых явлений и (или) высокую интенсивность проявления качеств и процессов. Прагматический аспект семантики отражается в словаре посредством системы стилистических (Разг. – разговорное, Прост. – просторечное и др.) и эмоционально-оценочных помет (Экспр. – экспрессивное, Одобр. – одобрительно, Неодобр. – неодобрительно, Ирон. – иронически и др.).

В СРПМ даются развернутые описательные толкования лексических и фразеологических значений всех образных слов и выражений, а также мотивирующих лексем в их первичных значениях. Мотивирующие лексемы располагаются перед образно мотивированными единицами и открывают лексикографическую презентацию образного лексико-фразеологического гнезда. Гнездовой принцип расположения словарного материала выполняет в словаре две задачи: 1) демонстрирует всевозможные способы языкового выражения метафорической интерпретации одного гастрономического образа; 2) отражает семантическую двуплановость значения образных единиц, поскольку мотивирующее значение составляет их метафорическую внутреннюю форму, ассоциативно-образный фон. Например, в гнездо с вершиной **жарить** 'готовить пищу под действием сильного жара, обычно в жире или масле без добавления воды' входят образные единицы **жарить** 'играть на музыкальных инструментах интенсивно, азартно', **запахло жареным** 'о крайне напряженной, неблагоприятной для кого-л. ситуации', **как жареные пирожки (пойти / разобрать)** 'о товарах, которые пользуются большим покупательским спросом, быстро распродаются' и др. Для того, чтобы продемонстрировать культурный фон, стоящий за языковой семантикой исходной мотивирующей лексемы, словарная статья гнезда сопровождается лингвокультурологическим комментарием – небольшим по объему текстом справочно-энциклопедического характера, например, «*До середины XVI – начала XVII в. в русской национальной кухне отсутствовал такой процесс, как жарение в масле. Этот способ приготовления был заимствован у татар.*» и т.д.)).

Макроструктура словаря строится по концептному, идеографическому и гнездовому принципам. Концептный принцип предполагает группировку образных средств в соответствии с реализацией гастрономического культурного кода, в основе которого лежит метафорическое и символическое переосмысление концептуальной сферы-источника «Еда». Идеографический принцип предполагает дальнейшую группи-

ровку по тематическим областям, представленным в разделах и подразделах СРПМ: блюда и продукты питания (зерновые и мучные продукты и блюда, мясные продукты и блюда, супы, напитки и др.), процессы приготовления (механическая обработка, термическая обработка, приготовление составов и др.), процессы поглощения (поглощение твердой пищи, поглощение жидкости, этапы и способы поглощения и др.) и т.д. Для удобства пользователя словарь сопровождается информационно-справочными разделами: алфавитным указателем толкуемых единиц с данными о страницах их размещения; а также списком авторов художественных произведений и названий газет, журналов, сайтов, из которых были извлечены контексты, иллюстрирующие дискурсивное функционирование пищевой метафоры.

Таким образом, СРПМ – это полидискурсивный и комплексный по своей природе жанр научного текста, который представляет русский лингвокультурный дискурс на уровне фрагмента концептосферы (система гастрономических образов, обладающих метафоропорождающим потенциалом), на языковом уровне (лексическая и фразеологическая семантика), на уровне пищевого кода культуры (образная интерпретация традиционной этнической и современной интернациональной пищевой традиции), на уровне коммуникации (устойчивое общезыковое и авторское употребление пищевой метафоры в текстах различных функциональных стилей).

Русская пищевая метафора в телевизионном травелоге

Речевое сопровождение телевизионных передач в жанре «заметок путешественника» (травелога) также можно отнести к лингвокультурному дискурсу, поскольку целью авторов данных программ является описание культурных явлений, традиций и обычаев разных стран через призму собственного инокультурного восприятия, а также выражение оценочного отношения к ним. В качестве материала для изучения функционирования пищевой метафоры в русском лингвокультурном дискурсе были использованы фрагменты текстов из цикла телепередач о путешествиях (автор В. Познер, ведущие И. Ургант и В. Познер). Цикл состоит из восьми многосерийных фильмов о бытовом и культурном укладе Америки, Франции, Италии, Германии, Англии, Израиля, Испании и стран Скандинавии. Полная выборка языкового материала была осуществлена из фильмов «Одноэтажная Америка» 2008 г., «Тур де Франс» 2010 г., «Еврейское счастье» 2016 г.

Пищевая метафора встретила в 34 текстовых фрагментах, где использовалась для описания различных феноменов культуры, религии, политического устройства, национального характера, исторических событий. Образная лексика и фразеология с исходной гастрономической семантикой встречаются в авторском закадровом тексте, в спонтанных

комментариях ведущих к увиденному или услышанному, в диалогах с героями передач или между ведущими. Можно выделить две основные функции употребления пищевой метафоры: 1) экспрессивно-изобразительную, которая заключается в наглядном, конкретно-чувственном способе характеристики явлений по аналогии со зримыми, осязаемыми объектами кулинарной сферы; 2) эмоционально-оценочную функцию, связанную с воздействием на адресата речи, выражением ценностного отношения автора к какому-л. феномену или процессу.

Примером экспрессивно-изобразительной функции может служить метафора **коктейль** 'смесь запахов', использованная ведущим для передачи неповторимого аромата утреннего Нью-Йорка: *«Утро Нью-Йорка начинается очень рано и с низкого старта. Кажется, весь город бежит, вдыхая божественный коктейль из утренней свежести, аромата кофе и свежей выпечки»* («Одноэтажная Америка», 1-я серия. Нью-Йорк). Эмоционально-оценочная функция реализуется в контексте, представляющем отрицательное отношение автора к ситуации получения сверхприбылей автомобильной отраслью Америки, которое выражено посредством негативно-оценочной метафоры **жиреть** 'богатеть, наживаться': *«Пока автомобильная Америка жирела, считая себя недосыгаемой, японцы, немцы, да и многие другие обогнали ее. Генри Форд был бы вне себя от гнева»* (3-я серия. Детройт). Неодобрительная оценка описываемой ситуации вызвана ее негативными последствиями – задержкой развития машиностроения в результате получения большой выгоды от предыдущих успехов.

Представим тематическую классификацию метафорических контекстов, в которых явления культуры разных народов описываются с использованием пищевой метафоры.

Пищевая метафора в характеристике наций и этносов. Путешествуя по Америке, Франции и Израилю, В. Познер стремился разобраться в том, что для жителей этих стран значит быть американцем, французом, израильтянином; можно ли говорить о единстве социально-культурного, бытового, идеологического укладов, объединяющих всех представителей этих государств; существует ли некий общий «национальный менталитет». Для описания социальных процессов интеграции / дезинтеграции в полиэтническом многонациональном государстве авторы и гости передач использовали языковые метафоры **плавильный котел**, **салатница** – о полиэтническом государстве, **салат**, **фондю** – о многонациональном населении государства, **пирог**, **соус** – о структуре и социальных стратах сообщества. Устойчивые и новаторские (**фондю**) метафоры неоднократно повторялись в разных сериях циклов, обыгрывались в развернутых текстовых фрагментах, играя роль своеобразных тематических скреп отдельных сюжетов. В некоторых сериях метафоры еды сопровождались видеорядом, демонстриру-

ющим процесс приготовления блюд национальной кухни. Видеоряд, аудиофон и речевое сопровождение (собственно метафорический текст) в своей целостности создавали полифонический, синергетический эффект эмоционального воздействия на телезрителя, переводя серьезные рассуждения о культуре и политике разных стран в увлекательный формат получения удовольствия от путешествия.

Образ котла, в котором все ингредиенты готовящегося блюда перемешиваются, теряют первоначальную структуру и передают друг другу свои вкусовые качества, проецируется в социально-политическую сферу, характеризуя государства, в которых представители разных культур и религий приобретают общие черты в результате социального взаимодействия. Метафорически обыгрывая образ котла, В. Познер формирует у собеседников и зрителей образ страны, в которой бывшие иммигранты образовали новую единую нацию: *«Характеры есть разные: у немцев свой, у французов свой, у ирландцев, у англичан, у евреев, русских и т.д. И вот, представьте, что все эти характеры как бы нырнули в один котел, и оттуда вышел какой-то новый. Это называется американский характер. Что это? Ну, это смесь»* («Одноэтажная Америка», 1-я серия. Нью-Йорк).

Метафору **плавильный котел** также использует гость передачи, израильский драматург Рои Хен. Развивая идею о цельности израильской нации, он сравнивает ее с фондю, горячим блюдом однородной консистенции, состоящим из расплавленных кусочков нескольких сортов сыра: *Рои Хен: – Все это появилось. Израиль, это, что называется, плавильный котел. Люди приехали отовсюду. – И. Ургант: И как, ва-ряются они здесь? – Рои Хен: Да, они даже оплавилась здесь. Совсем уж как фондю»* («Еврейское счастье», 2-я серия. Тель-Авив, или С чем это едят). Продолжая размышлять на тему национального характера, В. Познер использует для характеристики израильского общества развернутую речевую метафору пирога, в которой его многослойная структура, состоящая из теста и начинки, образно уподобляется обществу, в котором существуют разные социальные страты: *«Никакого израильского фондю нет, так мне кажется, а есть, если продолжить кулинарную тему, некий пирог, состоящий из теста и весьма сложной начинки, вкус которой в значительной степени определил приезд русских евреев, людей ярких и талантливых»* («Еврейское счастье», 2-я серия. Тель-Авив, или С чем это едят).

Для характеристики национальной разобщенности, наличия в стране разрозненных этнических субкультур В. Познер использовал образ салата, в котором все кусочки, хоть и перемешаны между собой, но существуют отдельно друг от друга, не соединяются: *«Некоторые говорят, что Америка уже не плавильный котел, а салат. Все кусочки находятся в одной емкости, но не соединяются. Это большой салат»* («Одноэтаж-

ная Америка», 3-я серия. Детройт); *«Но, рассказав об арабах, китайцах, мексиканцах, которые составляют часть этого **плавильного котла** или **салата**, было бы странно не сказать об еще одной **специи** этого **соуса**. Об иммиграции из бывшего СССР и нынешней России»* («Одноэтажная Америка», 16-я серия. Нью-Йорк). В последнем контексте автор метафорически уподобляет нации соусу и специям, которые привносят свой вкус в готовое блюдо. Метафоры *салат* и *салатница* являются сквозными в речи ведущего: в разных сериях фильма об Америке они используются в эмоционально-оценочной функции, демонстрируя мнение автора о расщеплении общества, что даже вызывает раздражение американского героя передачи: *Брайан Кан: – Знаете, все эти термины меня не особо волнуют. Меня больше интересует будущее страны, в которой я живу. **Плавильный котел** или **салатница**, какое это имеет значение, если люди в ней могут жить вместе?* («Одноэтажная Америка», 3-я серия. Детройт).

Пищевая метафора в характеристике политических процессов. Тема еды регулярно сопровождает описание Франции, ее жизни, культуры, традиций. Ведущий подчеркивает, что еда для французов не просто жизненная потребность, это целое искусство: *«Как долго можно говорить о сыре? Русскому человеку хватит 5 минут, чтобы исчерпать тему, француз может говорить о сыре бесконечно. Сыр делают повсюду, но только французы догадались выдерживать его годами и распробовали сырную плесень. О вкусе французского сыра ходят легенды, а о его запахе – анекдоты»* («Тур де Франс», 1-я серия. В чем загадка Франции для россиян?). Поэтому, выбирая языковые средства для описания интереса граждан к событиям, происходящим в области, стране, ведущие выбирают метафору *политической кухни*, основанной на аналогии между помещением для приготовления пищи и сферой политических процессов: *«Французы – самые свободолюбивые люди на свете. Что, как мне кажется, имеет прямое отношение как к кулинарной **кухне**, так и к **политической**»* («Тур де Франс», 1-я серия. В чем загадка Франции для россиян?).

Увлечение политикой также характерно для американской нации. Используя метафору *дрожжи* по отношению к районным собраниям американских граждан, В. Познер подчеркивает интерес американцев к местной политике и проводит аналогию между собраниями общественности, способствующими развитию и продвижению демократических ценностей, и дрожжами, вызывающими процесс брожения, необходимый для увеличения объема теста: *«Вот так собраться, чтобы обсудить свои проблемы, это очень по-американски. Может быть, вот такие собрания и есть то, что следует считать **дрожжами демократии**»* («Одноэтажная Америка», 2-я серия. Бикон и Кливленд).

Пищевая метафора в характеристике исторических событий. Для описания исторических событий, произошедших во Франции,

была использована поговорка **аппетит приходит во время еды**, которая характеризует азарт, желание людей, появляющийся во время совершения какого-л. процесса: «Тулузский университет основан в 1229 году для... учебы? Не спешите с выводами. Для борьбы с еретиками, а ими были так называемые альбигойцы, ветвь секты катаров. <...> Когда альбигойцев уничтожили, взялись за ведьм и колдунов. Первую ведьму сожгли в 1275 году. **Аппетит**, как известно, **приходит во время еды**. В 1577 году здесь на одном костре одновременно сожгли 400 ведьм» («Тур де Франс», 9-я серия. Тулуза). Процесс поглощения пищи метафорически проецируется в сферу взаимоотношений между соседними государствами. Стремление захватить новые земли образно ассоциируется с голодом, острым желанием что-л. съесть: «Что бы сделали вы в середине XIII века, если на ваш городок то и дело совершали набеги **ненасытные соседи**? Построили бы крепость. Так и поступили жители Кераса» («Тур де Франс», 5-я серия. Прованс). Объект, представляющий военный или политический интерес, образно связан с вкусной пищей, вызывающей у субъекта аппетит: «Существуют разные теории относительно названия острова Манхэттен. Но то, что точно известно, так это то, что сам остров всегда был **лакомым кусочком** для Европы и за него шла напряженная борьба, иногда просто война» («Одноэтажная Америка», 1-я серия. Нью-Йорк).

Пищевая метафора в характеристике культурных явлений. В фильме «Одноэтажная Америка» В. Познер метафорически обыгрывал образ салата при характеристике не только национального характера, но и культурных явлений. Жанр мюзикла, в котором есть и диалоги, и песни, и танцы, он сравнил с салатом, состоящим из множества ингредиентов: «Мюзикл – жанр сугубо американский. В нем есть все: и пение, и танцы, и актерская игра. В нем есть что-то от оперетты и что-то от балета. Это такой американский **салат**, который, как и многое другое, рожденное в Америке, стало популярным далеко за ее пределами» («Одноэтажная Америка», 1-я серия. Нью-Йорк).

Пищевая метафора в характеристике впечатлений путешественников. Образные языковые единицы, входящие в данную тематическую группу, выполняют не только миромоделирующую, но и аксиологическую функции. Так, посетив город Лурд, центральной достопримечательностью которого является храм, построенный на месте многократного явления Девы Марии, В. Познер использует пищевую метафору для выражения собственного отношения к теме религии. Поездка начинается с метафоры **насытиться** и заканчивается метафорой **наесться**, связанных с идеей пресыщения большим количеством увиденных явлений сначала материальной, а затем и духовной культуры: «Мы уже вдоволь **насытились пищей** материальной, пора бы о душе подумать. Едем в город Лурд»; «Как я сказал в самом начале, мы ехали

сюда в поисках **пищи** духовной. Лично я **наелся**. Так, как я хотел уехать из Лурда, я мало откуда рвался» («Тур де Франс», 10-я серия. Лурд).

Позитивные впечатления путешественников выражаются посредством образной аналогии между интересным, привлекательным для туристов городом и вкусной пищей, доставляющей гастрономическое удовольствие: «Я скажу по-другому, Тель-Авив город **вкусный**, Тель-Авив город веселый, Тель-Авив город щедрый, открытый. Вот и все, Владимир Владимирович. И не надо требовать от Тель-Авива, чтобы тут Ватикан стоял» («Еврейское счастье», 2-я серия. Тель-Авив, или С чем это едят).

Таким образом, анализ пищевой метафоры в речи ведущих цикла передач о путешествиях показал, что образные средства языка с исходной гастрономической семантикой не только стилистически обогащают речь авторов и героев, но и помогают им наглядно представить собственную позицию по различным вопросам. Образы кулинарных изделий, процессы гастрономической деятельности носят универсальный символический характер, ясны представителям различных культур, поэтому ведущие и гости передач легко понимают метафорический смысл языковых единиц, репрезентирующих пищевую метафору, и включаются в языковую игру. Помимо экспрессивно-изобразительной функции рассматриваемые образные средства выполняют оценочную функцию, выражают отношение говорящего к описываемому явлению, эмоционально воздействуют на адресата речи в сюжетах передач и на телезрителей.

Заключение

Понимая лингвокультурный дискурс как речевую деятельность, которая осуществляется коммуникантами в процессе освоения и осмысления феноменов своей или чужой культуры, мы посчитали правомерным отнести к числу его жанровых воплощений лингвокультурологический словарь, принадлежащий с точки зрения функционально-стилевой природы научному дискурсу, а также телевизионный травелог, представляющий сферу медиадискурса. В рамках рассмотренных жанров были проанализированы конкретные речевые произведения, в текстах которых широко представлена русская пищевая метафора: это два тома «Словаря русской пищевой метафоры» (2015, 2017) и три многосерийных телевизионных фильма из авторского цикла программ о путешествиях В. Познера и И. Урганта (2008, 2010, 2016). Анализ показал, что пищевая метафора широко представлена в современных дискурсивных практиках, является актуальной моделью смыслопорождения в русской речи и эффективным средством образной характеристики различных сфер действительности. «Словарь русской пищевой метафоры» раскрывает когнитивный миромоделирующий потенциал пищевой метафоры, фиксирует словарный состав ее языкового воплощения, де-

монстрирует факты этнических и интернациональных компонентов пищевой традиции, сложившейся в современной России, а также аспекты ее метафорического, символического, аллегорического переосмысления. Телевизионные фильмы в жанре травелога демонстрируют реализацию коммуникативно-прагматического потенциала пищевой метафоры для экспрессивной и образной характеристики различных социокультурных феноменов и их интерпретации воспринимающим субъектом.

Литература

1. **Lakoff G., Johnson M.** Metaphors we live by. Chicago : University of Chicago Press, 1980.
2. **Lakoff G.** The contemporary theory of metaphor // Metaphor and thought. 2nd ed. Cambridge : Cambridge University Press, 1993. P. 202–251.
3. **Fauconnier G., Turner M.** The way we think. N. Y. : Basics books, 2002.
4. **Gibbs R.** The Cambridge Handbook of Metaphor and Thought. Cambridge, UK : Cambridge University Press, 2008.
5. **Gibbs R.** Does conceptual metaphor emerge from metaphoric language? // Journal of Cognitive Science. 2013. № 14. P. 319–334.
6. **Glucksberg S.** Understanding figurative language: from metaphors to idioms. N.Y. : Oxford University Press, 2001.
7. **Ortony A.** Metaphor, language, and thought // Metaphor and thought. 2nd ed. Cambridge : Cambridge University Press, 1993. P. 1–18.
8. **Leezenberg M.** Contexts of metaphor. Oxford : Elsevier Science, 2001.
9. **Баранов А.Н.** Очерк когнитивной теории метафоры // Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Русская политическая метафора (материалы к словарю). М., 1991. С. 184–193.
10. **Чудинов А.П.** Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры. Екатеринбург, 2001. 238 с.
11. **Wirtz T.** Eat me! A cross-cultural, cross-linguistic analysis of conceptual metaphors for lust and sex. Norderstedt, 2013.
12. **Бойчук А.С.** Гастрономическая метафора в современном русском языке // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия: Филологические науки. 2010. № 7 (61). С. 75–79.
13. **Дормидонтова О.А.** Коды культуры и их участие в создании языковой картины мира (на примере гастрономического кода в русской и французской лингвокультурах) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2009. № 9. С. 201–205.
14. **Ковинова М.Л.** Лингвокультурологический анализ и ассоциативный эксперимент во взаимодействии: на примере фразеологизмов со словом-компонентом хлеб // Вопросы психолингвистики. 2010. № 2 (12). С. 165–175.
15. **Максимова Т.В.** Гастрономическая метафора в разных типах дискурса // Вестник Ленинградского государственного университета им. Пушкина. 2013. № 1 (4). С. 176–180.
16. **Юрина Е.А.** Вкусные метафоры: пищевая традиция в зеркале языковых образов. Кокшетау, 2013. 236 с.
17. **Юрина Е.А.** Метафора приготовления пищи в русском языке и лингвокогнитивные аспекты ее исследования (на материале образных слов и выражений, мотивированных глаголом варить) // Езиков свят. 2018. № 16-1 (1). С. 35–44.
18. **Боровкова (Балдова) А.В.** Пищевая метафора как средство выражения оценки и ценностей (на материале образной лексики и фразеологии русского языка) // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 396. С. 5–13.

19. **Юрина Е.А., Балдова А.В.** Пищевая метафора в процессах концептуализации, категоризации и вербализации представлений о мире // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 48. С. 98–115.
20. **Юрина Е.А., Живаго Н.А.** Метафоризация поглощения пищи в образном строе русского языка // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2015. № 3 (35). С. 107–121.
21. **Словарь** русской пищевой метафоры / сост. А.В. Боровкова, М.В. Грекова, Н.А. Живаго, Е.А. Юрина ; под ред. Е.А. Юриной. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2015. Т. 1 : Блюда и продукты питания. 428 с.
22. **Словарь** русской пищевой метафоры / сост. А.В. Балдова, М.В. Грекова, Н.А. Живаго, Е.А. Юрина ; под ред. Е.А. Юриной. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2017. Т. 2 : Гастрономическая деятельность. 556 с.
23. **Телия В.Н.** Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.
24. **Телия В.Н.** Фразеология в контексте культуры. М. : «Языки русской культуры», 1999. 336 с.
25. **Маслова В.А.** Введение в лингвокультурологию. М. : Наследие, 1997. 208 с.
26. **Серебренников Б.А.** Роль человеческого фактора в языке. Язык и мышление. М. : Наука, 1988. 242 с.
27. **Красных В.В.** Словарь и грамматика лингвокультуры. Основы психолингвистической лингвистики. М. : Гнозис, 2016. 496 с.
28. **Резанова З.И.** Дискурсивные картины мира // Картины русского мира: современный медиадискурс. Томск, 2011. С. 13–94.
29. **Арутюнова Н.Д.** Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М. : Сов. энциклопедия, 1990. С. 136–137.
30. **Карасик В.И.** Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград : Перемена, 2002. 477 с.
31. **Национальный корпус русского языка.** URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 06.08.2019).

Сведения об авторах:

Юрина Елена Андреевна – профессор, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, Национальный исследовательский Томский государственный университет (Томск, Россия); профессор кафедры общего и русского языкознания, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина (Москва, Россия). E-mail: yourina2007@yandex.ru.

Балдова Анастасия Вячеславовна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Лаборатории общей и сибирской лексикографии, Национальный исследовательский Томский государственный университет (Томск, Россия). E-mail: nastya-borovkova@mail.ru.

Поступила в редакцию 20 марта 2020 г.

GASTRONOMIC METAPHOR IN RUSSIAN LINGUOCULTURAL DISCOURSE

Yurina E.A., D.Sc. (Philology), Professor, Professor of the Department of Russian Language, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russia); Professor of the Department of General and Russian Linguistics, Pushkin State Russian Language Institute (Moscow, Russia). E-mail: yourina2007@yandex.ru

Baldova A.V., Ph.D., Senior Researcher, Laboratory of General and Siberian Lexicography, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: nastya-borovkova@mail.ru

DOI: 10.17223/19996195/50/11

Abstract. The scientific framework is considered and the definition of “linguocultural discourse” is proposed which is understood as speech activity and carried out by communicants in the process of mastering and comprehension of phenomena of either their own culture or

any other one. The ways of linguistic representation of the Russian food metaphor in such genre forms of linguocultural discourse like linguocultural dictionary and television travelogue are characterized. The empirical material is composed of “Dictionary of Russian Food Metaphor” (“Meals and Food” 2015, “Gastronomic Activity” 2017) and three television series from the author’s cycle of travel programs by V. Pozner and I. Urgant (“One-story America” 2008, “Tour de France” 2010, “Jewish happiness” 2016). The formation criteria for glossary, the macro- and microstructure of “Dictionary of Russian food metaphor” are highlighted based on which the cognitive potential of this metaphorical model is revealed, the vocabulary of its linguistic manifestation is fixed; the facts of ethnic and international components of food tradition as well as aspects of metaphorical, symbolic, allegorical rethinking of gastronomic images are demonstrated. Discursive functioning of food metaphor is considered on the material of the television travelogue texts: the reference scope of this metaphorical model, the realization of its communicative and pragmatic potential to show expressive and figurative characteristics of various socio-cultural phenomena are described, as well as their evaluation interpretation made by the percipient.

Keywords: gastronomic metaphor; figurative vocabulary; phraseology; linguocultural discourse; dictionary; media discourse; travelogue.

References

1. Lakoff G., Johnson M. (1980) *Metaphors we live by*. Chicago, University of Chicago Press.
2. Lakoff G. (1993) The contemporary theory of metaphor. In: Ortony, A. (Ed.) *Metaphor and thought*. 2nd edition, Cambridge University Press, Cambridge, pp. 202–251.
3. Fauconnier G., Turner M. (2002) *The way we think*. New York: Basics books.
4. Gibbs R. (2008) *The Cambridge Handbook of Metaphor and Thought*. Cambridge University Press, Cambridge, UK.
5. Gibbs R. (2013). Does conceptual metaphor emerge from metaphoric language? *Journal of Cognitive Science*, 14, pp. 319–334.
6. Glucksberg S. (2001) *Understanding figurative language: from metaphors to idioms*. Oxford University Press, New York.
7. Ortony A. (1993) Metaphor, language, and thought. In: Ortony, A. (Ed.) *Metaphor and thought*. 2nd edition, Cambridge University Press, Cambridge, pp. 1–18.
8. Leezenberg M. (2001) *Contexts of metaphor*. Oxford: Elsevier Science.
9. Baranov A.N. (1991) Oчерк kognitivnoy teorii metafory [Essay on the cognitive theory of metaphor] // Baranov A.N., Karaulov Yu.N. *Russkaya politicheskaya metafora (materialy k slovaryu)*. M. pp. 184–193.
10. Chudinov A.P. (2001). *Rossia v metaforicheskom zerkale: kognitivnoye issledovaniye politicheskoy metafory* [Russia in a metaphorical mirror: a cognitive study of political metaphor]. Yekaterinburg.
11. Wirtz T. (2013) *Eat me! A cross-cultural, cross-linguistic analysis of conceptual metaphors for lust and sex*. Norderstedt.
12. Boychuk A.S. (2010) *Gastronomicheskaya metafora v sovremennom russkom yazyke* [Gastronomic metaphor in modern Russian] // *Izvestiya Volgogradskogo gos. ped. un-ta. Seriya Filol. nauki*. 7 (61). pp. 75–79.
13. Dormidontova O.A. (2009) *Kody kul'tury i ikh uchastiye v sozdaniy yazykovoy kartiny mira (na primere gastronomicheskogo koda v russkoy i frantsuzskoy lingvokul'turakh)* [Culture codes and their participation in the creation of a language picture of the world (on the example of a gastronomic code in Russian and French linguistic cultures)] // *Vestnik Tambov. un-ta. Ser. Gumanitarnyye nauki*. 9. pp. 201–205.
14. Kovshova M.L. (2010) *Lingvokul'turologicheskiy analiz i assotsiativnyy eksperiment vo vzaimodeystvii: na primere frazeologizmov so slovom-komponentom khleb* [Linguocul-turological analysis and associative experiment in interaction: on the example of phraseo-

- logical units with the word component bread] // *Vopr. psikholingvistiki*. 2 (12). pp. 165–175.
15. Maksimova T.V. (2013) *Gastronomicheskaya metafora v raznykh tipakh diskursa* [Gastronomic metaphor in various types of discourse] // *Vestnik Leningradskogo gos. un-ta im. Pushkina*. 1(4). pp. 176–181.
 16. Yurina E.A. (2013) *Vkusnyye metafory: pishchevaya traditsiya v zerkale yazykovykh obrazov* [Tasty metaphors: food tradition in the mirror of language images]. Kokshetau.
 17. Yurina E.A. (2018) *Metafora prigotovleniya pishchi v russkom yazyke i lingvokognitivnyye aspekty yeyo issledovaniya (na materiale obraznykh slov i vyrazheniy, motivirovannykh glagolom varit')* [Metaphor of cooking in the Russian language and the linguocognitive aspects of its research (based on figurative words and expressions motivated by the verb cooking)] // *Yezikov svyat*. 16-1 (1). pp. 35–44.
 18. Borovkova (Baldova) A.V. (2015) *Pishchevaya metafora kak sredstvo vyrazheniya otsenki i tsennostey (na materiale obraznoy leksiki i frazeologii russkogo yazyka)* [Food metaphor as a means of expressing assessment and values (on the basis of figurative vocabulary and the phraseology of the Russian language)] // *Vestnik Tomsk. gos. universiteta*. 396. pp. 5–13.
 19. Yurina E.A., Baldova A.V. (2017) *Pishchevaya metafora v protsessakh kontseptualizatsii, kategorizatsii i verbalizatsii predstavleniy o mire* [Food metaphor in the processes of conceptualization, categorization and verbalization of ideas about the world] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*. 48. pp. 98–115.
 20. Yurina E.A., Zhivago N.A. (2015) *Metaforizatsiya pogloshcheniya pishchi v obraznom stroye russkogo yazyka* [Metaphorization of food absorption in the figurative structure of the Russian language] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*. 3 (35). pp. 107–121.
 21. *Slovar' russkoy pishchevoy metafory* [Dictionary of Russian food metaphors]. V. 1. *Blyuda i produkty pitaniya* [Meals and Food] / A.V. Borovkova, M.V. Grekova, N.A. Zhivago, E.A. Yurina / Edited by E.A. Yurina. Tomsk, 2015.
 22. *Slovar' russkoy pishchevoy metafory* [Dictionary of Russian food metaphors]. V. 2. *Gastronomicheskaya deyatel'nost'* [Gastronomic activities] / A.V. Baldova, M.V. Grekova, N.A. Zhivago, E.A. Yurina / Edited by E.A. Yurina. Tomsk, 2017.
 23. Teliya V.N. (1996). *Russkaya fraseologiya. Semanticheskiy, pragmaticheskiy i linguokulturologicheskiy aspekty* [Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguocultural aspects]. M.: Shkola «Yazyki russkoy kultury».
 24. Teliya V.N. (1999) *Frazeologia v kontekste kul'tury* [Phraseology in the context of culture]. M.: Shkola «Yazyki russkoy kultury».
 25. Maslova V. A. (1997). *Vvedeniye v linguokulturologiyu* [Introduction to linguoculturology]. M.: Naslediye.
 26. Serebrennikov B.A. (1988). *Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke. Yazyk i myshleniye* [The role of the human factor in the language. Language and thinking]. M.: Nauka.
 27. Krasnyh V.V. (2016). *Slovar' i grammatika lingvokultury. Osnovy psikholingvokulturologii* [Dictionary and grammar of linguoculture. Fundamentals of psycholinguistic culturology]. M.: Gnozis.
 28. Rezanova Z.I. (2011) *Diskursivnyye kartiny mira* [Discursive pictures of the world] // *Kartiny russkogo mira: sovremennyy mediadiskurs*. Tomsk. pp. 13–94.
 29. Arutunova N.D. (1990). *Diskurs* [Diskurs] // *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'*. M.: Sovetskaya entsiklopediya. pp. 136–137.
 30. Karasik V.I. (2002). *Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd: Peremena.
 31. *Natsional'nyy korpus russkogo yazyka* [National Corps of the Russian Language]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>.